

Баш на баш

Ты думаешь – правда проста?
Попробуй, скажи.
И вдруг онемеют уста,
Тоскуя о лжи...
/ Мария Петровых /

Вся многочисленная семья Селедкиных готовилась к большому семейному торжеству – рубиновой свадьбе. Именно в конце октября, сорок лет назад, поженились Леонид Давыдович и Лидия Афанасьевна. В то время они были студентами Строительного института, жили в общежитии, но после регистрации брака сняли крохотную квартиру на окраине города и зажили счастливо.

Через три года у них родилась дочь Людмила, еще через девять лет – сын Дмитрий. Оба пошли по стопам родителей и окончили тот же ВУЗ. Люда работала менеджером в крупной строительной компании, вышла замуж, родила близнецов Ивана и Степана, которые учились в седьмом классе. Дмитрий находился в постоянном поиске, в связи с чем менял работу каждые полгода. Поначалу убеждал родителей, что поиск увенчался успехом, но уже через пару месяцев вновь ходил задумчивый и от вопросов отмахивался.

Накануне рубиновой свадьбы старших Селедкиных сын устроился на новое место работы и радостно заявил, что нашел то, что искал. Родные облегченно вздохнули и занялись подготовкой к празднику.

Материнское сердце никогда не будет спокойно за детей, всегда найдется повод для переживаний. У Лидии были причины волноваться за сына.

Дмитрий слыл дамским любимцем. И кто не обратит внимания на широкоплечего жгучего брюнета выше среднего роста со стильной стрижкой, но главное – с обворожительной улыбкой и с искрящимися бесоватыми глазами. Разобрать, когда парень говорит правду, а когда привирает и подтрунивает над друзьями и родственниками, было весьма сложно. Даже в «период застоя» – во время бездействия – он выбирался из задумчивости и сочинял на ходу небылицы. Мать веселилась – видеть взрослое чадо поникшим ей было невмоготу, а отец кривился и бурчал.

- Ну, когда ты повзрослеешь! – выдерживал многозначительную паузу и заявлял, – и в кого ты такой уродился!?

- В соседа! – отвечал сын и подмигивал матери.

Подобные шутки родителя бесили. Он скидывал домашние тапки, обувал туфли и уходил из дома, не забыв сильно припечатать дверь.

Мать Диму не «пилила» за «казарменный» юмор, лишь вздрагивала от удара двери, грозила пальчиком и шла в кухню, чтобы приготовить двадцати восьмилетнему мальчику что-нибудь вкусненькое.

После ухода главы семьи квартира Селедкиных погружалась в приятную тишину. Никто не бродил по дому, никто не цеплялся без повода к домочадцам, никто не брюзжал и не жаловался на несуществующие болезни.

Леонид Давыдович семь месяцев назад вышел на пенсию, потерял смысл жизни и теперь свое плохое настроение вымещал на родных. Сначала он пытался найти подработку, но после нескольких неудачных попыток окончательно сник. Как следствие – испортился и без того непростой характер.

- Надо отца как-то встряхнуть, – говорила дочь при каждом посещении родителей. – От бездействия он себя в гроб загонит.

- Не знаю, как себя, но мать точно! - хмурился сын и обнимал Лидию Афанасьевну за плечи.

Дети Селедкиных давно были разделены на папину дочь и маменькиного сынка. Хотя, мать всегда утверждала, что любит детей одинаково.

- Дети, как пальцы на одной руке. Если я уколою иглой мизинец, мне будет больно, а уколою безымянный - нет?

Леонид Давыдович обожал дочь и постоянно придирался к сыну. Он считал, что мать растит из него не мужчину, а несерьезного летуна.

- А ты кто? Сторонний наблюдатель? Дмитрий и твой сын тоже! - спокойным голосом заявляла мать.

Старший Селедкин принимался внимательно изучать Димку, будто впервые слышал об их родстве, и выискивал знакомые черты.

- Он на меня совсем не похож, вот Людочка – вылитая я! – с чувством произносил папаша, который от рождения был рыжеволосым.

Сама Лидия в молодости была темно-русой, а с появлением седины стала красить волосы в более светлые тона.

- Твоя мать говорила, что Дима - копия ее отца, твоего деда! – вспоминала слова свекрови невестка и покидала комнату, чтобы пресечь бесполезный спор. Но через минуту возвращалась и возмущенно бросала, - и, вообще, что это за намеки!?

В руках она держала поварешку и гневно помахивала ею перед супругом. Орудие нападения мужчину не пугало, но он осознавал, что его выпад не имел под собой оснований и пытался загладить вину, предлагая сходить в супермаркет за продуктами.

Селедкин ускользал от разборок, Лида расставалась с поварешкой, доставала из старого секретера семейный альбом, который начинался с детских фотографий пухлого мордovorотистого мальчугана по имени Леня, сидящего на коленях у матери. Рядом сидела бабушка пацаненка, а сзади стояли отец и дед. Женщина впивалась взглядом в лицо старшего мужчины, у которого были темные, как смоль, волосы, аккуратные усы, волевой подбородок и глаза с прищуром.

- Что и требовалось доказать: Димка очень похож на прадеда, а Леня – на своего отца! – сообщала она притихшему дому и перекидывала страницу.

Изучение фотографий продолжалось до возвращения главы семейства из супермаркета. Лида быстро прятала альбом, не желая возвращаться к щепетильной теме.

Сын не раз был свидетелем подобных сцен. Первый раз заявление отца его шокировало, затем вызвало недоумение, потом он попросту привык к его упрямству. Но не привык к тому, что мать пытается оправдаться.

- Не унижайся! - несколько раз призывал он ее. - Неужели ты думаешь, что отец сомневается в нашем родстве!? Он хочет тебя позлить! Видишь ли он несчастлив, а ты счастлива. Ты улыбаешься, ты постоянно занята, а он от скуки исходит желчью и ищет повод испортить тебе настроение.

- Я мечтаю, чтобы ты женился на хорошей девушке и ушел от нас. Я все стерплю, но не хочу, чтобы ты страдал.

- Я не страдаю! – заверял сын, - но мне не нравится, как он с тобой разговаривает. Ты не рабыня, ты – Женщина! Молодая и красивая! Но еще пару лет такой «счастливой» жизни, и папаша-вампиr высосет из тебя все соки. Превратит в старуху...

- Старуха станет ему не нужна, он с ней разведется и женится на молодойке. – продолжила за Димку мать.

- Я этого не говорил! – решительно возражал он, мысленно ставил бравого отца рядом с кокетливой блондинкой и понимал, что факт может иметь место. Это женщины с возрастом становятся матерями, бабушками, сиделками, а мужики, как пионеры: всегда готовы! Новый объект страсти позволяет вернуться в молодость, на время забыть о

проблемах со здоровьем и о проблемах, связанных с подросшим потомством. Это после расставания с этой «машиной времени» наступает конец всему, а на начальном этапе – эйфория и амнезия, он парит в вышине, забывает о долге, об обязанностях, о прежней жизни. И была ли она, жизнь? Так, существование! Вот теперь...

- О чем задумался? – поинтересовалась Лидия Афанасьевна и пригладила волосы на голове сына.

- Думаю, что вам подарить на юбилей, - выкрутился Димка.

- Рубиновые звезды Кремля, - усмехнулась мать.

- Хоть луну с неба! - с восторгом парировал он.

- Прибереги для золотой свадьбы!

- И ты выдержишь еще десять лет с этим монстром?

Улыбка вмиг исчезла с уст женщины.

- Нельзя так говорить об отце! – нравоучительным тоном сказала она.

Сын удивленно покосился на нее. Никогда мать не говорила «избитых» истин. Как никогда не читала морали. Она приводила жизненные примеры и на этих примерах поясняла, чего можно добиться, если не совершать необдуманных поступков и контролировать свое поведение. И как можно низко упасть и перечеркнуть будущее, если не задумываться и катиться по течению.

- У тебя должно быть свое собственное мнение. Не всегда ты его обязан высказывать вслух, но делать что-то «за компанию» недопустимо.

Сейчас Дмитрий не стал спорить и подумал: Если ее все устраивает, то пусть живет в монархическом государстве, где правит самодур в депрессивном состоянии.

Парень посчитал разговор законченным и направился в свою комнату, чтобы поразмышлять о своем будущем, где первым пунктом была женитьба «на хорошей девушке», как способе покинуть отчий дом. В результате чего дорогой родитель успокоится, раз главный раздражитель исчезнет из поля зрения. Но не сделал и пары шагов, обернулся, взглянул на задумчивую мать и неожиданно обронил фразу, которая давно засела ему в голову.

- Если муж попытается обвинить жену в измене, значит, у него самого «морда в пушку».

- Дмитрий! – прикрикнула на него мать.

Она не вздрогнула, как от удара, не удивилась и даже не возмутилась. Просто чуть-чуть призвала великовозрастного ребенка к порядку, чтобы он, не дай Бог, не пошел дальше в своих рассуждениях. Сын попытался заглянуть ей в глаза, надеясь прочесть в них согласие или отрицание, но она их опустила, словно рассматривание мака на домашнем платье было более важным занятием.

-Ну-ну, - многозначительно произнес Димка и погладил мать по руке, выказывая раскаяние.

Но женщина восприняла жест за жалость. Она дернулась, ступсывалась и попыталась скрыть свое душевное волнение за ничего не значащей болтовней.

- Я столько новых рецептов выписала из интернета, хочу удивить всех новыми блюдами. Надеюсь, они придутся вам по вкусу.

И она удивила. Только не разнообразием угощений, а заявлением, которое последовало после первого тоста. И надо признать – сюрприз удался...

За столом собрались только самые близкие. Людмила с мужем Яковом и близнецами, Дмитрий со своей девушкой Василисой, которую решил представить родителям, и супружеская пара Крысовых – Максим Игоревич и Юлия Макаровна, с которыми юбиляры дружили со студенческой скамьи.

Слово взял глава семьи. Он вспомнил то счастливое время, когда им было по двадцать лет, вскользь помянул страстную любовь, заливчато заявив: «Эх, и любили мы друг

друга!», употребив глагол в прошедшем времени. Перешел на трудности того времени, не забыв подчеркнуть, что никто на эти трудности не жаловался, с неудовольствием покосился на сына, который не был активным строителем счастливого будущего, перевел взгляд на дочь и «растаял». Сосредоточился в докладе на ее прекрасных качествах, выделив, что Люда никогда не создавала родителям проблем. И снова воззрился на Диму, вальяжно откинувшегося на спинку стула. Но все же помянул отпрыска, соединив его рождение со сложным периодом в жизни страны, когда один за другим сменялись престарелые партийные вожди.

Оказывается, вот «где собака зарыта», - мысленно усмехнулся младшенький. – Рождение ребенка в переходный период, когда власть переходит от одного генерального секретаря к другому, наносит на развитие этого ребенка печать метания. Вот почему я никак не прибьюсь к одному берегу.

- Так что выпьем, не чокаясь, - трагическим голосом заключил Дмитрий, прервав на полуслове проникновенную речь родителя. – Помянем, так сказать, усопших партийных вождей!

- Не ерничай! - с мягкой улыбкой заметила мать, которой самой надоел полудоклад о политической обстановке в стране того времени, он же полутост, коротко славивший сорок прожитых вместе лет.

- Не язви! – возмущенно бросила сестра.

Близнецы хотели захихикать, но стушевались под грозным взглядом деда, который обратился к давнему приятелю Максиму Крысову.

- Видишь, Максим Игоревич, каков наглец!

Отец пошел красными пятнами, поставил на стол рюмку, которую на протяжении всего тоста держал двумя пальцами за ножку, хотел гордо удалиться, но передумал. Отодвинул подальше стул и сел на него, задиристо перекинув ногу на ногу.

За столом повисла напряженная тишина. Хозяйка взяла в руки фужер с шампанским, но передумала, поменяла его на рюмку водки мужа и опрокинула в себя одним махом.

Присутствующие сосредоточенно следили за ее действиями. На лице супруга повисло презрение, на лице дочери – осуждение, на лице сына – радостное возбуждение, лицо зятя ничего не отразило, а на лицах Крысовых отпечатались дружеская поддержка. Максим Игоревич последовал примеру хозяйки, на ходу чокнувшись со стоящим на столе фужером супруги. Юлия покосилась на Дмитрия и Василису, незаметно дернула головой, призывая присоединиться. Те сразу откликнулись. За столом зазвенели, зашуршали, загомонили. За бортом остались старший Селедкин и его любимая дочь. Людмила поозиралась по сторонам, сглотнула слюну и осторожно взяла в руку вилку, словно та была хрустальной. Для начала облизала ее, искоса поглядывая на обиженного родителя, затем стянула с овальной тарелки кусок буженины и молниеносно сунула себе в рот. Прикрыла рот рукой, чтобы не заметили ее усердных пережевываний.

Леонид Давыдович придвинулся к столу и смахнул рукой невидимые на скатерти крошки, будто для этой цели перешел установленную собой границу, отделившую его от пренебрегшей им людской массы. Из этой массы выделялась доченька, которая смотрела на отца с обожанием и успевала коситься на заливное из рыбы. Расфокусировка зрения ей вскоре надоела и она сосредоточилась на кулинарном изыске.

Селедкин с задумчивым видом налил себе водки и с отрешенным видом ее выпил. Крякнул и заел соленым огурцом.

После первой рюмки народ незаметно расслабился, шустро заработал челюстями, не забывая обмениваться мисками с салатами. Крысов наполнил бокалы и рюмки и обратился к хозяйке.

- Лидочка, скажи тост!

- Она скажет, - хмыкнул Леонид, пренебрежительно взглянув на супругу, словно считал ее недоразвитым существом.

- Я скажу! – с нажимом произнесла супруга. Начало не сулило ничего хорошего. – Я не стану, как некоторые копаться в прошлом нашей страны, у нас есть более важный повод. Сорок прожитых лет позволяют мне, наконец, не «гладить мужа по шерстке», а набраться смелости и сказать правду. Не знаю, сколько лет мне отпущено Богом, вдруг совсем мало, и я так и уйду с камнем на сердце. – неспешно выговорила она высокомерным тоном, сосредоточив на себе внимание девяти пар глаз.

Все поняли – сейчас последует признание, и, судя по ее поведению и внешнему виду, женщина в содеянном не раскаивается.

Дочь почувствовала неладное и предложила близнецам отправиться в кухню вместе с тарелками и бутылкой кока-колы. Все проводили их подталкивающими взглядами, ожидая продолжения интригующего начала.

- Двадцать девять лет назад я была в командировке в Волгограде...

- Я помню, - встрял обеспокоенный супруг и обиженно добавил, - ты оставила нас с Людочкой одних...

- Да, Димы еще не было, - прервала поток слов Леонида жена. – Однажды вечером я возвращалась в гостиницу и случайно встретила нашего однокашника Лешу Сюсюкина...

- Лешку? – удивился Селедкин, будто сие событие не могло иметь место по причине безвозвратного полета Сюсюкина к вездным цивилизациям.

- Алексея Альбертовича Сюсюкина, - четко выговорила супруга, желая вбить имя, отчество и фамилию однокашника в память присутствующих.

- Он разве живет в Волгограде? – заинтересовался Максим Крысов.

- Он живет в Москве, - напомнила Юлия Марковна.

- В Волгоград он тогда приехал по работе, - продолжила хозяйка. – Леша был рад нашей встрече, я тоже. Он пригласил меня в ресторан, я согласилась. Мы хорошо посидели, потом он проводил меня до гостиницы и...

- И? – напрягся Ляня.

- И Леша ушел.

- Ушел, - облегченно выдохнул Селедкин.

- Ушел, - кивнула головой Лида и добавила, - на рассвете. А через девять месяцев родился Димка.

Минута молчания была трагической.

Первым, как не удивительно, пришел в себя обманутый супруг. Он хлопнул себя по бедру и с радостью заявил.

- Я был прав! Помнишь, я всегда утверждал, что сын на меня не похож!.. И никак не мог вспомнить, кого он мне напоминает!.. Конечно, Лешку Сюсюкина.

Его возбуждение походило на нервный припадок. Правдолюбца-супруга незаметно отодвинула от него колюще-режущие предметы, а сын поднялся со стула и встал за спиной матери. Крысовы переглянулись, в их глазах не было ни удивления, ни одобрения, лишь читался вопрос: Кому нужно опоздавшее признание?

Людмила стащила с блюда куриную ногу и впиалась в нее зубами. Она глотала, не жуя, и одновременно испепеляла взглядом изменницу-мать. Ее супруг Яков не пожелал участвовать в разборках, выбрался из-за стола и двинулся в сторону кухни, где громко работал телевизор.

Людмила справилась с мясом и теперь ожесточенно вытирала салфеткой руки. Затем бросила на тарелку мятую промасленную бумажку и слащавым голосом заявила.

- Пап, иди, собирай вещи! Ты поживешь пока у нас!

- Что значит пока? – уцепился за неопределенность поникший папа.

- До развода и раздела имущества.

Выражение лица Селедкина говорило, что подобные действия в его планы не входили. Но покинуть квартиру с гордым видом необходимо. Временно обосноваться у дочери, чтобы дать супруге время подумать в одиночестве, сделать выводы и перейти к уговорам и извинениям.

В данный момент раскаяние было глубоко законспирировано. На устах Лидии Афанасьевны блуждала мечтательная улыбка, позволяющая предположить, что в данный момент женщина пребывает в Волгограде, вернувшись на двадцать девять лет назад. Ладони сына покоились на ее плечах, как знак понимания и поддержки.

Леонид Давыдович медленно оторвал пятую точку от стула, надеясь услышать подходящие моменту слова, которые он оставит без внимания. Но жена в его сторону даже не взглянула, но кое-что сказала, заставив мужчину брякнуться на только что покинутое сидячее место.

- Баш на баш! Теперь твоя очередь исповедоваться!

- Я всегда был тебе верен, - монотонным голосом произнес муж.

- Да! – задиристо подтвердила дочь, забросила в свой рот ломтик лимона и посеменила к отцу. Подобно брату встала на защиту интересов отца, сложив ладони на его плечах.

- Я, наверное, пойду, - еле слышно изрекла Василиса, которая чувствовала себя неловко.

- Оставайтесь, - мягко попросила ее будущая свекровь. Скоро вы войдете в нашу семью, поэтому должны быть в курсе отношений между нами. Повернулась к Крысовым и спросила, - вы тоже хотите уйти?

- Мы тебя одну не оставим! – твердо заявила Юля.

- Ребята, давайте жить дружно, у всех в шкафах «живут скелеты», незачем делать генеральную уборку! - призвал Максим.

- Продолжай, - многообещающе предложила жена, прищурившись.

- Себя я не имею в виду, - сразу нашелся он.

- А мне не интересно, были у тебя связи на стороне или не были. Я в твои... приключения не была посвящена, ты их на показ не выставлял, и за это спасибо! Я просто так спросила.

- Правильно, Юлечка! – похвалил ее Селедкин, - мало ли, что было в прошлом. Зачем убивать запоздалыми признаниями? Кому нужны эти исповеди!?

- Не покаешься, попадешь в ад, покаешься, попадешь в рай, - констатировала Лидия Афанасьевна, намекая на то, что не намерена отступать.

- Я не верю в жизнь после смерти, - парировал супруг и собрался вновь оторваться от стула. Но крепкие руки дочери пригвоздили его к месту.

- А мне интересно услышать твое признание, папуля! – процедила она сквозь зубы.

Селедкин -старший почувствовал в ее голосе некоторое охлаждение к себе. Дочь задумалась: почему мать так поступила? Возможно, это был ответный ход на безрассудное поведение отца. Мама всегда была настолько правильной, что ей в голову не могла прийти мысль об адюльтере на стороне. Измена могла случиться только в отместку и в самый трудный период, от отчаяния и для самоутверждения.

Люда хорошо помнила ту командировку. Мать впервые оставила ее на папу. Но как он не боготворил дочь, ей не хватало любви и заботы матери. Лидия звонила по несколько раз в день, хотя, в то время не было мобильных телефонов, и все переговоры велись с городского телеграфа. Или мать улучала момент и звонила с телефона, установленного в кабинете начальника отдела того предприятия, на которое женщина была командирована.

Селедкина -старшая не могла слышать плача дочери и тоже шмыгала носом, пока не вступал в разговор супруг. Он выговаривал жене:

- Нет бы, успокоить доченьку, а ты ее только расстраиваешь. Она все плачет и плачет. И зовет тебя. Отказывается спать, отказывается от еды, от игр, от прогулок на свежем воздухе.

В его голосе проскальзывала ревность.

Но мать пропускала мимо ушей его занудное возмущение, просила вернуть трубку дочери, чтобы еще раз услышать ее тихий голосок...

Людмиле расхотелось забирать отца из дома. Но сказать напрямую пока не решалась. Для начала хотелось услышать его откровения. Молодая женщина была уверена - ему есть о чем рассказать. Если он смолчит, то она сама раскроет матери глаза на некоторые вещи.

Людка уперлась локтями на плечи отца, отчего он скривился, сложила кисти рук на его голове, пригнулась и прошипела.

- Мама права, баш на баш!

- Мне нечего вам рассказать! – с трудом справившись с дыханием, заявил Селедкин. Придвинулся к столу, а дочь едва не упала ему на согнутую спину.

В ее поле зрения попала вазочка с салатом из морепродуктов, она вернулась на свое место, прихватив ее по дороге.

Она жевала и не забывала сверлить взглядом отца. Ее завидный аппетит вызвал у народа желание продегустировать салат, пока он не закончился.

Димка оставил мать без поддержки, поухаживал за невестой, уложив на ее тарелке красивую горочку, не забыл Крысовых и себя любимого. Уже приступил к трапезе, но аккуратно положил вилку и разлил по мензуркам горячительную сорокоградусную жидкость. На шампанское и вино никто не претендовал. Все понимали, что снять напряжение возможно при помощи более крепких напитков. Отца сын проигнорировал.

- За взаимопонимание! – коротко провозгласил Дмитрий и выпил водку.

Селедкин –старший проглотил слюну и покосился на свою пустую рюмку. Налить себе он не решился, растерял в один миг свое хозяйское преимущество и почувствовал себя непрощенным гостем. Но от реплики не сдержался.

- Я вам не дрессированная собачонка, которая получила кусок мяса за то, что исполнила трюк, - обиженно прошипел он.

- Считаю, как хочешь, - передернула плечами супруга, расправляясь со свиной отбивной, занявшей всю ее тарелку.

- Кто не исповедуется, тот не ест! – глубокомысленно изрекла Людка с набитым ртом. С салатом она давно расправилась и перешла на фаршированный перец.

- Предательница, - прошептал отец, но дочь его услышала.

- Я за справедливость! – между перцем и бутербродом с красной икрой сказала она.

- Вот-вот, - покачал головой брат, чмокнул невесту Василису в висок, а затем наколол на вилку кусочек соленого баклажана. – Я всегда утверждал: только тот винит супругу в измене, кто сам меняет... любовниц, как перчатки! – Присутствующим показалось, что он хотел употребить другое слово, но в последний момент остановил выбор на «любовнице».

- Молчи, молокосос!- грозно рявкнул папаша.

- А кто дал вам право разговаривать со мной в подобном тоне!?! – рассердился Дмитрий, – вы мне не отец, не родственник, так что будьте добры, следить за своими словами.

- Я тебя воспитал, - напомнил Селедкин, сбавляя голос.

- Нынче занудное брюзжание называется воспитанием, - поерничал «воспитанник». – Тебя никогда не интересовало, какие оценки я получаю в школе, почему у меня разбита коленка, что я люблю и чего не люблю, с кем дружу, с кем дерусь. А когда я болел, ты не находил времени сходить в аптеку, чтобы купить выписанные врачом лекарства. Мама не могла меня оставить одного, она ждала, когда вернется из института Людка.

- А помнишь, я тебя поила чаем с малиновым вареньем, - вспомнила сердобольная сестра.

- Спасибо тебе, - расчувствовался брат и крепко пожал сестрице руку.

- Заканчивайте этот балаган! – проскрежетал зубами экс-глава семьи.

- Это для тебя балаган, а для нас трогательные воспоминания, - проникновенным голосом пропела Людмила. – Лучше поздно, чем никогда разобраться, что собой представляет человек, которого ты всегда идеализировал. Мне нравилось, что отец меня боготворит, а брата постоянно пилит, и только сейчас я поняла, как он был не прав!

- Для одного ребенка у него всегда был приготовлен пряник, а для другого – ремень, - с грустью заметил Дима.

- Это когда я тебя бил ремнем? – мрачно спросил отец.

- Наверное, когда получал отставку от... любовницы, - сообразил сын.

- Что ты мелешь!?

- Я не жернова, чтобы муку молоть, я - постоянно голодный организм, которые перемальвает пищу и требует добавки... Людочка, тебе положить винегрет?

- Да, братик, положи! – проникновенным голосом произнесла сестрица, протягивая тарелку.

- Какая идиллия! – скривился Селедкин. – Все ополчились против меня.

- Потому что все кое-что про тебя знают, - между прочим сказала Юлия Крысова и отправила в рот красиво порезанный огурец.

Ее пространное заявление заставило Леонида вздрогнуть. Он не стал уточнять, что она имела в виду, и поскреб вилкой по скатерти.

Гости и родственники сосредоточенно жевали, выразительно объявив бойкот человеку, не желающему сделать ответное заявление на правдивый рассказ супруги.

- Ну, было один раз, - промямлил он, изучая параллельные бороздки на скатерти, проделанные вилкой.

При этих словах Юлия Макаровна хмыкнула и удивленно вскинула брови. Максим Игоревич намекающее кашлянул.

- Ну, два, - сразу согласился Ленья.

- Значит, все об изменах знали, одна я пребывала в неведении, - заключила Лидия и пригубила стакан апельсинового сока. Леониду показалось, что выпущенная из ее рта струя полетит в него и попадет в глаз. Он зажмурился и стал ждать.

- Так всегда бывает, - философски заметила Юля в ответ на реплику подруги, с интересом изучая напряженное лицо хозяина. Его закрытые глаза навели женщину на мысль: Леонид пытается восстановить события прошлого, чтобы изложить свои похождения в деталях. Желание добиваться горькой правды улетучилось. – Лидуся, а зачем тебе знать, изменял тебе муж или не изменял? Того и гляди давление подскочит, и как следствие – гипертонический криз.

Леонид Давыдович широко открыл глаза и воскликнул.

- А о моем здоровье никто не побеспокоился, дорогая супруга рубанула правду-матку, будто топором по голове стукнула!

Лидия Афанасьевна привстала со стула, изучила макушку супруга и успокоила.

- Раны не видно.

- Прекратите издеваться надо мной! - взвился мужчина, снова собрался покинуть гостей, предварительно проведя взглядом по их лицам. Внезапно его озарило, - вы решили меня разыграть! Не было встречи Лиды с Сюсюкиным в Волгограде, и Димка - мой сын!

Успевший свыкнуться с признанием матери Дмитрий поспешил отречься от бывшего папаши, желающего восстановить родство.

- Э-э-э, нет, так дело не пойдет! Только все встало на свои места, только мы разобрались в переплетениях судеб, как уважаемый Леонид Давыдович снова пытается нас запутать.

- Неужели я так плох, что не могу быть тебе отцом? – с грустью спросил Селедкин. – И не похож ты на Лешку Сюсюкина, мать всегда утверждала, что ты – вылитый прадед.

- А что мне оставалось делать? – развела руками Лидия.

- Лучше горькая правда, чем сладкая ложь – это изречение не для меня! – возмутился супруг. – Лучше пребывать в счастливом неведении, чем... - мужчина замялся, мысленно выискивая подходящее сравнение.

- Чем в безрадостном ведении! – досказал за него молодой человек, которого он воспитывал на протяжении двадцати восьми лет.

- Леня, а зачем ты меня донимал глупыми вопросами?! Твои сомнения мне поперек горла встали! Что хотел услышать, то и услышал! – перебила мать сына, у которого в запасе имелось еще несколько вариантов продолжения фразы, начатой Селедкиным.

- Можно ли последнее заявление считать признанием того, что ты себя оклеветала? – обрадовался муж и положил руку на ее плечо.

- Нельзя! – сразу высказалась она и освободилась от прикосновения, которое обещало перейти в крепкие объятия. – И не надо «переводить стрелки» на меня! Что ты там говорил о собственных изменах? Раз уж начал, будь бодр – продолжай!

- Не было никаких измен! – твердо произнес муж.

- А длинноволосая блондинка с пышной грудью? Ты забыл, как я вас встретила в ресторане «Прованс» несколько лет назад? – напомнила Юлия Крысова.

- А что ты делала одна в ресторане «Прованс»? – заинтересовался Максим Игоревич.

- Ой, не начинай! – капризным голосом попросила супруга.

- А все-таки?

- У меня там была назначена встреча с заказчиком, - отмахнулась она от ревнивца.

- Допустим, я тебе верю, - напряженно сказал Крысов, и все поняли, что в объяснение жены он верит так же, как следователь преступнику, которого застали на месте убийства с окровавленным ножом в руках.

Максим Игоревич решил перенести «разбор полетов» на вечер, когда они вернуться домой. По непонятным причинам перед его глазами встал красавец Сюсюкин, успевший охватить вниманием всех бывших сокурсниц. Крысов мысленно поставил рядом Димку Селедкина и нашел между ними много общего.

- Как часто нас спасала слепота, где дальновидность часто подводила, - изрек Леонид, вспомнив слова Шекспира, которые он вложил в уста Гамлета.

Максим согласно кивнул головой.

- У нас не литературный вечер, - напомнила неутомимая Юлия Макаровна, - Леня, неужели ты забыл встречу в ресторане? Так я могу тебе напомнить. Едва я вошла в холл, как заметила тебя. Ты стоял у гардероба, держал в руках свое пальто и... женскую шубку и сверлил взглядом дамскую комнату. Я хотела подойти и спросить, где Лида, но решила понаблюдать. И тут из дверей туалета выплыла блондинка баскетбольного роста и направилась к нашему дорогому Селедкину. Он помог ей облачиться в шубку, сам надел пальто, которое незадолго до этой встречи его уговорила купить дражайшая супруга. Подхватил свою даму под локоток и направился к выходу. Но я была бы не я, если б позволила им уйти. Я встала у них на дороге и с милой улыбкой поинтересовалась, знает ли моя дорогая подруга, чем в рабочее время занимается ее супруг?

- И что он ответил? – задала вопрос спокойная Лидия Афанасьевна. Она не удостоила вниманием мужа, словно они вели диалог без свидетелей. Потому обращение в третьем лице допускатось.

- Он заверил меня, что это его сотрудница, нуждающаяся в моральной поддержке по причине развода с супругом.

- Наверное, во время несчастливого замужества молодая женщина растеряла всех подруг, поплакаться в жилетку некому, вот и выбрала коллегу, который давно намекающее на нее посматривал... Или он стал причиной развода. Муж узнал об их связи и выставил жену из дома. Опечаленная особа могла рассчитывать не только на моральную поддержку, но и дальновидные обещания...

- Что ты имеешь в виду? – подхватился Селедкин, которому не понравился ход мыслей Лидии.

- Ты мог ей пообещать, что скоро разведешься с опостылевшей супругой и женишься на ней. Ты еще парень хоть куда, а рядом с нелюбимой состарившейся женой у тебя начинается депрессия, ты сам превращаешься в старика. Тебе нужны сердечные волнения, трепетные переживания, острота чувств...

- Что за бред!?! – скривился Леонид. – Я сказал Юле правду. Виктория страдала, и я хотел ее поддержать.

- Поддержать, проводить, поговорить, приласкать...

- Лида! У тебя богатый запас глаголов, не надо их перечислять! - не растерялся Селедкин. – В ресторане «Прованс» мы были вшестером...

- Четное число, все по парам, - быстро сообразила Юлия Крысова, выставив на обозрение три пальца.

- Мы были вшестером, - настойчиво повторил мужчина, - четверо остались, а я и Вика разошлись по домам. Я посадил ее в такси, а сам решил пройти пешком.

- И так все подгадал, чтобы вернуться в положенное время, будто бы с работы, - догадалась супруга.

Селедкин не обратил внимания на ее укол и продолжил.

- После развода Виктория решила перебраться к матери, которая жила в небольшом городке, в часе езды отсюда. Мать обещала устроить ее на хорошую работу, за которую платят приличные деньги. После развода ей было тяжело прожить на маленькую зарплату.

- А спонсорские пожертвования? – съязвила супруга. – Судя по описанию Юли, твоя Вика могла с легкостью найти покровителя, если твое благосостояние ее не устраивало.

- Она порядочная девушка! – встал на защиту бывшей сотрудницы Селедкин.

- Тогда почему от нее ушел муж? – заинтересовалась Крысова.

- Он нашел другую, - коротко, но доходчиво пояснил Леня.

- Что было дальше? – не сдалась Юлия.

- Вика написала заявление по собственному желанию и уехала из города. С тех пор я ее не видел. Клянусь, между нами ничего не было!

- Ты сам до этого говорил...

- Но после признался, что врал! Вы меня вынудили!

Лидия Афанасьевна не знала, верить мужу или нет. Ей нужны доказательства. Она вспомнила намекающее покашливание Крысова, забывшего про мужское братство, и обратилась к нему.

- Максик, мне показалось, ты располагаешь сведениями о двойной жизни господина Селедкина? Или я ошибаюсь?

Максим Игоревич стусевался, внезапно загорелся желанием отведать рыбный салат «Мимоза», шлепнул себе на тарелку и стал вдохновенно жевать, рельефно разделяя слоеное кулинарное кушанье на порционные части. Все заморожено следили за его действиями, пока Людмила не переключила внимание на себя - отхватила часть салата с общей тарелки, испугавшись активности гостя. Вскоре салат был опробован всеми едоками, исключением была хозяйка, наблюдавшая за Крысовым, который не успевал дожевывать и отправлял в рот новую порцию. Лидия слыла гостеприимной хозяйкой и положила на тарелку Крысова пару ложек грибного салата, намекая на завидное терпение. Мужчина кивнул, не имея возможности озвучить благодарность.

- Не лопнешь? – обеспокоилась его супруга, поглядывая на наручные часы, словно высчитывала скорость поглощения чужих деликатесов. Максим что-то промычал, отдаленно напоминающее «нет».

Тогда Юлия оценила убранство стола и поняла, что признание свидетеля они услышат не скоро. В отличие от подруги она не умела ждать. Выхватила тарелку у супруга, не забыв прихватить столовые приборы, и пообещала.

- Я все верну на место, если ты нам расскажешь, где ты встретил друга Леню, а главное – с кем?

- С чего вы взяли, что я его с кем-то видел? – безразличным голосом парировал мужчина.

- Откуда взялся завидный аппетит?

- Проголодался, - ответил он. Наполнил свою рюмку, жестаи предложив приятелю присоединиться, но тот отказался, боднув воздух головой. По всей видимости, боялся потерять бдительность.

Крысов выпил водку, снова хотел налить, но бойкая супруга успела выхватить бутылку и передать ее Дмитрию. Заодно отодвинула подальше стакан с минеральной водой.

- Вот, привязалась, - еле слышно пробубнил Максим и посмотрел на Селедкина.

Телепатическая связь дала результат. Крысов подобрался и произнес.

- Однажды летом...

- Интригующее начало, - встряла жена, но на нее шикнула подруга, и она смолкла.

- Однажды летом мы с Юлей отдыхали в Дагомысе..

Юля удивленно вскинула брови, словно не поняла, о какой Юле идет речь.

- С тобой, дорогая, с тобой, - успокоил ее Максим и продолжил. – Обычно я встаю на рассвете и иду на пляж, а моя жена нежится в постели и присоединяется ко мне часов в десять.

Все повернулись к Крысовой, ожидая подтверждения, имеющее немаловажное значение для уличения Селедкина. Сама Юлия пока не уловила связи и подумала, что муж сочиняет на ходу неправдоподобную историю, имеющую лишь правдивое начало. Поэтому склонила голову на бок, что могло расцениваться как подтверждение или призыв к продолжению.

- В тот день я не изменил своим привычкам. Вышел из отеля и двинулся по тихой улице. Пешеходов не было, автомобилей тоже. Только мимо промчалось такси, проехало два квартала и замерло у обочины. Пока я дошел до автомобиля, мужчина успел расплатиться с водителем и доставал из багажника свой чемодан. Возможно, я прошел бы мимо и не обратил внимания на приезжего, но услышал женский голос, прорезавший тишину улицы.

- Ленчик! – крикнула женщина с балкона второго этажа и помахала мужчине рукой.

Я непроизвольно покосился на расплывшегося в улыбке человека с чемоданом и был удивлен, когда узнал в нем своего приятеля Селедкина.

- Много подробностей! – пожурил его Леонид Давыдович.

- Совсем не много, - вставила реплику Лидия, - мы не услышали подробного описания внешности девушки со второго этажа.

- Я ее не успел рассмотреть. Она увидела, как мы здороваемся и скрылась.

- Значит, хотела сохранить свое инкогнито. – заключила Юлия Макаровна и вернула мужу конфискованное имущество.

Но у Крысова пропал аппетит. Он откинулся на спинку стула, исподтишка наблюдая за реакцией приятеля, нуждающегося в его поддержке.

- Почему молчим? Пока вразумительного объяснения не нашлось? – вздохнула Лида.

- Технар, в сочинительстве не силен, - подхватила Юлия.

- Не скажи, он в молодости мне такие стихи посвящал, - вспомнила подруга. – Но это было еще до свадьбы. После уже крылья подрезали, кружить в небе перестал, быт затянул, как болото.

- Или нашел новый объект для вдохновения, - ляпнула Крысова.

- Юлька, но ты хоть не добивай! – взмолился хозяин и потупил взор, намекая на раскаяние. Или неустанную работу мысли, за которой должно последовать объяснение загадочного отдыха в Дагомысе.

- Море, чайки, фигуристая красотка, терпкое вино, что еще надо для полного счастья, - язвительно произнесла Селедкина и только сейчас заметила, что сын и его невеста незаметно исчезли. - А где молодежь? – испугалась она.

- Они пошли в комнату Дмитрия, - ответил наблюдательный отец.

- Не нужно было при девушке затевать семейные склоки, - опомнилась хозяйка.

- Сама настояла на ее присутствии, - торопливо напомнил супруг.

- Сама, каюсь.

- А в измене раскаиваешься?

- Какая теперь разница?

- Большая.

- А ты?

- Я чист перед тобой, как лист мелованной бумаги!

- Ладно, историю в ресторане я «проглотила», но курортный роман ты как объяснишь?

- Лида, мне пришла в голову умная мысль! – с вдохновением произнесла Юлия. – В ресторане была Виктория и в Дагомысе была Виктория!

- А ты случайно эту... парочку вместе не видела? Может, на набережной столкнулись или в кафе? – спросила подруга.

- Я не видела, а Макс скрыл от меня встречу с Леонидом.

- Одна шайка-лейка, - сквозь зубы процедила Селедкина, объединив мужчин в противоборствующую партию, которая выступает за низложение семейных устоев.

Не сговариваясь, женщины поднялись со своих мест и пересели ближе к Людмиле, которая ставила рекорд Гиннеса по очищению стола от продуктов.

- Это у меня на нервной почве, - прожевав, пояснила молодая женщина.

- Кушай, моя девочка, кушай, - погладила ее по голове мать и предложила выпить за обманутых женщин.

Людка себя таковой не считала. На ее мужа едва ли кто-то покусился, а если бы и покусился, то она нашла бы способы убеждения. Но не взяла на себя смелость спорить с матерью.

- Девочки, вы глубоко ошибаетесь на наш счет, - поспешил вмешаться Максим Крысов.

- Вот кому-кому, а тебе лучше помолчать, пока до тебя очередь не дошла, - поморщилась Юлия Макаровна, будто сцены из жизни любвеобильного супруга промелькнули у нее перед глазами.

- Не надо валить с больной головы на здоровую, - не успокоился Максим Игоревич.

Женщины не удостоили его взглядом, сосредоточив внимание на Селедкине, который затаился и не спешил дать пояснения своему странному появлению в Дагомысе. За него вступился «адвокат», которому приказали «держать язык за зубами».

- Ленька мне все объяснил. В курортном городе он оказался случайно. Был в командировке в Краснодаре и собирался возвращаться, но позвонил директор и попросил заехать в Дагомыс, где в то время отдыхала его супруга. А с балкона ему махала хозяйка частного отеля.

- Цель поездки? – по-деловому осведомилась Юлия, представляя себя администратором гостиницы в советские времена.

- Деловая, - автоматически ответил Крысов. – Леня должен был передать ей некоторую сумму денег.

- Откуда у ограниченного в средствах командировочного лишние деньги? И почему он должен делиться ими с женой босса?

Вопрос поставил Крысова в тупик. Он повернулся к приятелю и намекающее пошевелил бровями. Дескать, давай, соображай, я выдохся.

- У меня не было с собой лишних денег. Директор отправил деньги через систему «Юнистрим» на мое имя, я получил и поехал в Дагомыс, чтобы передать их его супруге. Это она махала мне с балкона.

- В процессе вашего повествования, господин Селедкин, у меня появилось несколько вопросов, - уставившись на супруга, скороговоркой произнесла Лида. – Вопрос первый: почему босс не мог перевести деньги напрямую? Вопрос второй: почему его жена назвала тебя уменьшительно-ласкательным именем? Вопрос третий: почему у вас с Максом расхождения в показаниях? Он сказал, что махала хозяйка отеля, а ты – что это была жена директора?

- А вы, уважаемая Лидия Афанасьевна, общественным помощником следственных органов не работали? – нахмурился уличный Селедкин.

- В свободное от измен время, - промурлыкала женщина, наполнила три рюмки и призвала дам присоединиться. Дамы не заставили себя упрашивать.

- Начну по порядку, - отстраненно заявил Леонид Давыдович. - Жена моего босса – женщина тонкой организации, она теряется в бытовых вопросах, поэтому супруг ограждает ее от проблем. Он самолично довез ее до отеля, в котором они отдыхают на протяжении последних лет, оставил на попечении тетки, которую они прихватили по дороге. Та живет в небольшом поселке Краснодарского края. Муж побыл несколько дней и вернулся домой, где его ждали неотложные дела. Несмотря на то, что супруга взяла с собой два чемодана нарядов, ей захотелось обновить гардероб. Деньги быстро закончились, она позвонила супругу, а тот – мне... Перехожу к ответу на второй вопрос. Почему женщина назвала меня Ленчиком? Мы с ней давно знакомы, она часто приезжает к мужу на работу. При первой встрече она сказала, что Леонид – ее любимое мужское имя, так зовут ее брата. Она называет его Ленчиком и попросила разрешения обращаться ко мне также. Спорить я не стал.

- Молодая девчонка обращается к взрослому мужчине по-панибратски, - громким шепотом сообщила Юлия на ухо подруге.

Та скривила на бок рот, давая понять, что их нравы им не доступны.

- А кто сказал, что с балкона махала молодая девушка? – вмешался «адвокат». – Я сказал «женщина», без указания возраста.

- А почему Селедкин расплылся в улыбке? – вспомнила Лидия.

- А что ему рожи корчить супруге босса? Леня – человек интеллигентный, свое неудовольствие выказывать не стал... И простите меня! Я всех запутал, оказывается с балкона махала не хозяйка, а жена директора... И с чего бы махать хозяйке, если она с Селедкиным не знакома.

- Ох, и хитрец, выпутался, - недоверчиво сказала его Юлия.

- Расхождения в показаниях присутствовали по причине недопонимания между мной и Леной, - снова вступил в переговоры Крысов. - Честно признаться, я сам не очень поверил его объяснениям. Но однажды забежал к нему на работу и встретил «женщину с балкона». Она сказала, что видела меня в Дагомысе, когда я разговаривал с Селедкиным. И сказано это было в присутствии ее супруга. Это о чем-то вам говорит, дорогие девушки?

- Тогда почему женщина быстро скрылась? – не сдалась Юлия.

- Она не скрылась, а спустилась вниз, чтобы встретить меня. Я отдал ей деньги, оставил вещи, прогулялся по набережной, перекусил, вернулся в отель, попрощался и поехал на вокзал. - терпеливо объяснил Леонид.

- И даже не искупался в море? – удивилась жена.

- У меня с собой не было плавок! Не забывай, что я был в командировке!

- Тоже мне проблема, - хмыкнула она.

- Если ты не веришь, то позвони на домашний телефон моего бывшего босса и спроси про передачу денег в Дагомысе. Это было давно, но думаю, его жена вспомнит.
- Я не собираюсь унижаться!
- Как в этом случае ты узнаешь, сказал я правду или солгал?
- Не знаю.
- Человек или хочет верить, или не хочет.
- Я могу подтвердить, что отец был проездом в Дагомысе, - неожиданно вмешалась в разговор объевшаяся Людмила. – Это случилось в тот год, когда мальчишки пошли в первый класс. Летом я была загружена работой по самую макушку, а отец уговаривал меня все бросить и вывезти детей на море. Именно, тогда он рассказал о поездке в Дагомыс и о причине, приведшей его в тот город.
- И почему ты до сих пор молчала? – возмутился Селедкин.
- Из женской солидарности! Хотела сопоставить прошлый рассказ и нынешний. Убедилась, что расхождений нет, и вмешалась. Когда человек лжет, он никогда в точности не повторит сказанное, где-нибудь и ошибется. А что касается случая в ресторане «Прованс», то я тоже видела его с Викторией. Я проезжала мимо на маршрутке и заметила отца, который разговаривал с молодой женщиной на пороге ресторана. Маршрутка остановилась, я вышла и стала наблюдать. Отец успокоительно похлопал ее по плечу, помог сесть в такси и двинулся по улице. Все годы во мне сидела жуткая ревность к блондинке, и только сейчас поняла – в его жесте было отеческое утешение. Он всегда похлопывал меня по плечу, когда я была чем-то расстроена... Мам, отцу можно верить. Он говорил, что посадил Вику в такси? Говорил! Я подтверждаю!
- Знаешь, Лидок, я подумала и пришла к выводу, что твоя дочь права - Леня сказал правду, - задумчиво произнесла Юлия Крысова. – У меня перед глазами так отчетливо встала встреча в холле ресторана «Прованс», и я поняла: Виктория для твоего мужа была обычной сотрудницей, одной из многих. Он не пожирал ее глазами, не пытался чмокнуть в ушко, он просто помог ей одеться и проводил до стоянки такси. Так поступил любой галантный мужчина.
- Возможно, ты не успела перехватить его влюбленный взгляд, - предположила Лидия Афанасьевна.
- Я столько лет наблюдаю, как твой супруг смотрит на тебя, и не нашла ничего общего во взглядах.
- Пытаешься меня успокоить?
- Если бы хотела успокоить, то не затевала этот сыр-бор!
- Лидуся, верь мне! – с чувством сказал супруг.
- Не верь ему, мама! – грозным голосом приказал Димка, неожиданно появившись в гостиной.
- А где Василиса? – вздрогнув от неожиданности, спросила Лидия.
- Я нашел ей занятие, - уклончиво сказал сын и опустился на стул рядом с Юлей, как раз напротив отца. – Сам расскажешь или предоставишь мне возможность поделиться секретом, который давным-давно засел в душу, как заноза?
- Рассказывай, - милостиво разрешил отец без опаски.
- Как-то раз я пришел в гости к одной своей знакомой...
- К Василисе? – уточнила сестра.
- Нет, это было еще до Василисы. Девушка жила на улице Гоголя, в доме номер двадцать пять, в квартире сто девятнадцать, - он медленно выговаривал адрес, предоставляя отцу возможность восстановить его в памяти. - Я перепутал этаж и нажал в лифте не ту кнопку, сообразил, когда очутился этажом выше. Стал спускаться, но быстро ретировался назад, когда заметил выходящего из одной из квартир дорогого папеньку. Он светился от

счастья, мурлыкал себе под нос «Тореадор, смелее в бой, тореадор, тореадор», сел в лифт и поехал вниз.

- Он всегда поет куплеты Тореадора из оперы Жоржа Бизе «Кармен», когда задуманное исполняется... И когда он пребывает в превосходном настроении, - упавшим голосом произнесла Лида.

- А ты не подумала, что Леня был в гостях у сослуживца, который победил неизлечимую болезнь, - встала на защиту приятеля Юлия Макаровна.

- В этом случае, он поделился новостью, но я ничего подобного не слышала. – печальная женщина обратилась к сыну, - Дима, ты не мог обзнаться?

Селедкин-младший сам был не рад, что не сдержался, но обида на отца достигла громадных размеров. Он жалел мать, но больше молчать не мог.

- Это был он, я не слепой.

- Димка, ты не спросил у своей знакомой о некоем мужчине, который приходит в гости к ее соседям? – спросила Крысова, нарочно не разделяя людей из соседской квартиры по половому признаку.

- Спросил, - трагическим голосом ответил он. – Она сказала, что хозяйка вышла замуж и переехала к новому мужу, а эту квартиру сдает... одному студенту.

- Мужчине!? – задохнулась от возмущения Юлия, а ее подруга едва не свалилась со стула, в последний момент уцепившись за руку дочери.

- Дима, ты что-то перепутал, - вмешался Максим Крысов.

- Я... ничего... не перепутал, - с паузами заверил парень. – У меня есть один знакомый, у которого отец с матерью развелись на старости лет. Его папашу потянуло на молоденьких мальчиков.

- Меня сейчас стошнит, - застонала Людмила и вылетела из-за стола.

Леонид Давыдович сидел с блаженной улыбкой на лице, будто речь шла не о нем.

- Леня, ну чего ты молчишь!? – попытался вернуть его в действительность приятель.

- Я не молчу, я любуюсь украшением на шее своей любимой Лидочки.

Все решили, что хозяин сбрендил, но одновременно перевели взгляды на подвеску с сапфиром необыкновенной красоты и такие же серьги в ушах Селедкиной. Лида автоматически прикрыла ладонью украшение, загораживая подарок мужа от чужих глаз.

- Леня подарил мне гарнитур пять лет назад, на тридцатипятилетие нашей свадьбы. – сказала она и пощупала пальцами серьги. – Он сказал, что получил хорошую премию, я поверила.

- Это настоящий сапфир, я тебе всегда об этом говорила, а ты не верила, утверждала, что это искусственный камень, и у Лени нет денег, чтобы дарить украшения по баснословным ценам. – с пулеметной скоростью произнесла подруга.

- Я думала, что это турмалин, так мне муж сказал... Но зачем?

- Чтобы не задавала лишних вопросов, - с мягкой улыбкой пояснил супруг.

- Не вижу связи между подарком пятилетней давности и посещением студента на дому, - процедил сын, едва сдерживаясь.

Его никто не поддержал.

- Но откуда ты взял деньги на подарок? – спросила Лидия Афанасьевна у мужа, и полюбовалась изящными наручными часами, которые он ей преподнес сегодня утром.

- На часы я копил несколько лет, а на гарнитур... никогда бы не собрал нужной суммы. Понимал, что после выхода на пенсию мне это будет не по силам. Вот и захотелось порадовать жену, пока есть возможность.

- Насколько я понимаю, у тебя и тогда не было возможности, - догадалась Юлия Макаровна.

- Но у меня была одна вещь, за которую можно было выручить нужную сумму.

Цикл «Времена года»

- Какая вещь? – испугалась супруга. Она представила, что он пожертвовал собственной почкой для того, чтобы сделать ей приятное. Но сразу отмела эту мысль – шрамов на теле мужа не было.
- Я продал коллекцию старинных монет, которую начал собирать еще мой дед. Это на него похож мой сын.
- Ты расстался с коллекцией? – удивилась Лида. – Поэтому на все вопросы о ней, ты отвечал, что охладел к нумизматству, и запрятал монеты подальше.
- Я давно понял, что Дмитрия мое хобби не интересует, пополнять коллекцию он не будет. Зачем ей лежать мертвым грузом, если можно ее продать и порадовать жену достойным подарком.
- И ты нашел покупателя, - недоверчиво пробубнил Димка. – С трудом верится, что у студента нашлась необходимая сумма денег... И почему ты не привел покупателя домой, а отправился к нему на квартиру?
- Хотел сохранить сделку в тайне. Студент был всего лишь посредником. Он случайно увидел в газете мое объявление о продаже старинных монет и позвонил богатенькому отцу, который хотел сделать подарок своему компаньону-нумизмату. Сам он в этом деле не смыслит, но понадеялся на мою честность. Я на всякий случай оставил ему номер своего мобильного телефона. Он не перезвонил, из чего я заключил, что подарок компаньону понравился, и монеты были оценены по достоинству.
- И тебе не жаль коллекции? - трогательным голосом спросила Лида.
- Ничуть. Мое главное богатство это ты, дети и внуки.
- Ленечка, ты меня извини, - едва сдерживаясь от слез, прошептала жена, - я все... выдумала про Лешу Сюсюкина. Ты меня замучил подозрениями, вот я и... ляпнула, не подумав.
- Я догадался, - улыбнулся муж. Они поднялись и сделали несколько шагов навстречу друг другу.
Он расцеловал ее в полные слез синие глаза, цвет которых подчеркивали сапфиры, прижал к себе, побаюкал, как маленькую девочку и обратился к сыну.
- А не пора ли нам приступить к празднованию юбилея свадьбы?
- Давно пора, - хором ответили сын, дочь, внуки и гости...

Декабрь 2012года